

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.017-025

Н. Е. Таева*

Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования

Аннотация. В статье на базе концептуальных положений, выдвинутых Е. И. Козловой, ставится цель выявить тенденции, которые проявляются в развитии конституционно-правовых институтов на современном этапе с учетом динамики предмета правового регулирования, а также происходящей трансформации российской правовой системы. В связи с этим рассматривается проблема расширения сферы регулируемых отношений отрасли конституционного права. Сделаны выводы о стирании границ между институтами конституционного права, влекущем за собой проблему отнесения норм к конкретному институту. Проанализирована проблема появления межотраслевых институтов, которые не могут быть однозначно отнесены к публично-правовым или частноправовым, к материальным или процессуальным. Это приводит к необходимости изменения самого подхода к понятию «институт права». Сделан вывод, что в рамках конституционно-правовых институтов могут содержаться неписанные правовые регуляторы, которыми могут быть как нормы естественного права, так и сложившиеся непосредственно в обществе правила поведения.

Ключевые слова: конституция; право; закон; нормы конституционного права; российская правовая система; институт конституционного права; закон; предмет конституционного права; система отрасли; нормативный акт.

Для цитирования: Таева Н. Е. Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 17—25. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.017-025.

Institutionalization of Constitutional Norms in the Dynamics of the Subject Matter of the Legal Regulation

Natalya E. Taeva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tayeva@mail.ru

Abstract. In the paper based on conceptual provisions put forward by Prof. Kozlova, the author sets the objective to identify tendencies that manifest themselves in the development of constitutional and legal institutions at the present stage taking into account the dynamics of the subject of legal regulation, as well as the ongoing transformation of the Russian legal system. In this regard, the author has examined the problem of expanding the field of relations regulated under constitutional law. The author has concluded about the blurring of boundaries

© Таева Н. Е., 2020

* Таева Наталья Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tayeva@mail.ru

between institutions of constitutional law, which entails the problem of attribution of norms to a particular institution. The paper has analyzed the issue of emergence of intersectoral institutions that can be characterized as neither public nor private, as neither substantive nor procedural. This leads to the need to change the very approach to the concept of “institution of law.” It is concluded that constitutional law institutions can contain unwritten legal regulators that can include both rules of natural law and rules of conduct developed directly in the society.

Keywords: constitution; law; statute; norms of constitutional law; Russian legal system; institute of constitutional law; legal act; subject matter of constitutional law; system of the branch; normative (regulatory) act.

Cite as: Taeva NE. Institutsionalizatsiya norm konstitutsionnogo prava v dinamike predmeta pravovogo regulirovaniya [Institutionalization of Constitutional Norms in the Dynamics of the Subject Matter of the Legal Regulation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(3):17–25. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.017-025. (In Russ., abstract in Eng.).

Концептуальные основы системы отрасли конституционного права, понимание сущности конституционно-правовых институтов, их классификация, которые сегодня всем представляются очевидными, были заложены в трудах известных российских конституционалистов, среди которых важную роль играют труды профессора Екатерины Ивановны Козловой. В работах ученого подробно анализируется соотношение системы отрасли конституционного права и системы Конституции; делаются выводы о направлениях перестройки системы науки под влиянием объективно происходящих изменений в системе отрасли¹; исследуются тенденции развития конституционно-правовых институтов². Выдвинутые Е. И. Козловой идеи о расширении правовой регламентации общественных отношений, входящих в предмет конституционного права, о происходящем в праве объективном процессе дифференциации государственно-правовых норм в институты по более разветвленной шкале классификационных признаков являются сегодня как никогда актуальными. Что же мы наблюдаем сегодня? В настоящей статье на базе концептуальных положений, выдвинутых Е. И. Козловой, ставится цель обозначить тенденции, которые проявляются в развитии конституционно-правовых институтов на современном этапе.

Теоретиками в последнее время высказываются идеи о серьезных изменениях, происходящих в российской правовой системе, суть которых заключается в формировании новой структуры нормообразования, что требует переосмысления классической конструкции системы отрасли, правового института, нормы права. Институциональная трансформация связывается прежде всего с динамикой социальных процессов. Соотношение правовой системы и социальной реальности становится более сложным. Позитивное правовое регулирование выходит за пределы формальных норм-долженствований в область нормативности фактических процессов³. Данные тенденции, безусловно, влияют и на систему конституционного права, что проявляется в следующем.

Во-первых, постоянное изменение и развитие предмета регулирования отрасли конституционного права выражается прежде всего в расширении регулируемой сферы общественных отношений. Последствием такой трансформации общественных отношений является возникновение новых норм. Этот процесс имеет объективный характер. Более того, он имеет достаточно длительную историю. Так, о расширении правовой регламентации конституционного права еще в 80-х гг. писала Е. И. Козлова.

¹ Козлова Е. И. Теоретические основы системы советского государственного права // Конституция СССР: проблемы государственного строительства и советского строительства. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 34–38.

² Козлова Е. И. Тенденции развития основных институтов советского государственного права // Основные направления развития государственно-правовых институтов на современном этапе : сб. науч. трудов. М. : РИО ВЮЗИ, 1986. С. 3–19.

³ Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex russica*. 2019. № 9 (154). С. 10–12.

В этот период институты отрасли, с ее точки зрения, становятся все более разветвленными, и прежде всего это касается таких институтов, как организация деятельности государственных органов, а также института основ правового статуса личности⁴. В настоящее время мы наблюдаем как процесс возникновения новых институтов, так и процесс «перерастания» некоторых институтов в подотрасли. Динамика институционального развития проявляется в том, что возникли такие новые институты, как парламентские расследования, федеральные округа, агломерации, институт общественного контроля, институт уполномоченных по правам и др. Тенденция к усложнению отношений в сфере конституционно-правового регулирования, расширение этой сферы приводят к тому, что границы конституционно-правовых институтов становятся подвижны и нормы одной группы начинают входить в другую группу. К примеру, нормы института основ конституционного строя являются органической частью всех институтов конституционного права. Прозрачными становятся и границы между нормами, входящими в институт федеративного устройства, и нормами, закрепляющими систему государственных органов. Спор о том, являются ли нормы, регулирующие гражданство, отдельным институтом либо это субинститут института основ правового статуса личности, также закономерен, поскольку свидетельствует об их тесной, практически неразрывной взаимосвязи⁵. Кроме того, изменение норм конституционного права одного института ведет к изменению норм других институтов, то есть в движение приходит вся система правового регулирования. Так, изменение на федеральном уровне избирательной системы со смешанной на пропорциональную вызвало появление норм, регулирующих порядок включения в партийные избирательные списки беспартийных граждан, порядок работы фракций в Государственной Думе, коснув-

шись и непосредственно понимания фракции, а также понятия фракционной дисциплины. Изменение избирательной системы на смешанную вернуло в законодательство нормы о статусе депутатов, не входящих во фракции, и т.п. Все эти законодательные изменения являются звеньями одной цепи. Усложнение общественных отношений приводит к появлению внутри конституционно-правовых институтов многочисленных субинститутов, специализирующихся на регулировании каких-либо видов общественных отношений внутри институтов. Такое разветвление наблюдаем, например, в институте президентской власти, где формируются обособленные группы правовых норм, связанные с реализацией отдельных функций Президента РФ, а также с работой многочисленных консультативных и совещательных органов при главе государства.

Отдельно в рамках данного аспекта следует сказать об изменении сущности самой нормы конституционного права — первичного элемента конституционно-правовых институтов. Нормы сегодня выполняют не просто функцию правового регулирования группы сложившихся, типичных и устоявшихся общественных отношений. В последнее время нормы становятся технологичными, утрачивают свою абстрактную сущность. Это инструмент, который используется законодателем для регулирования одного конкретного случая, для решения одной конкретно заданной практической задачи. Создаются «нормы-однодневки», «нормы-инструменты». И здесь, как представляется, работает принцип рационализации власти. Примеров таких «норм-однодневок» достаточно много в институте избирательного права. Так, в рамках избирательной кампании 2019 г. был принят Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской

⁴ Козлова Е. И. Тенденции развития основных институтов советского государственного права. С. 6—7.

⁵ По мнению О. Е. Кутафина, следует выделять институт гражданства в качестве самостоятельного (Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 85—87). В то же время Е. И. Козлова включает нормы о гражданстве в институт основ правового статуса человека и гражданина (Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 2006. С. 10).

городской Думы седьмого созыва»⁶, в развитие которого принят Закон г. Москвы от 22.05.2019 № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁷. Нормами данных законов урегулирован порядок проведения электронного голосования в одном конкретном случае — на выборах в 2019 г. депутатов Московской городской Думы. Федеральным законом от 14.07.2015 № 272-ФЗ были внесены изменения в ч. 3 ст. 102 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в соответствии с которыми выборы депутатов Государственной Думы седьмого созыва проводятся в третье воскресенье сентября 2016 г. Этим же Законом закреплялось сохранение за депутатами Государственной Думы шестого созыва как всех материальных гарантий, так и гарантии неприкосновенности в связи с досрочным прекращением ими своих полномочий. Более того, указанное «точечное» регулирование было оправдано решением Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 01.07.2015 № 18-П⁸ указал, что положения ст. 96 (ч. 1) и 99 (ч. 1, 2, 4) не исключают однократного изменения федеральным законом даты очередных выборов депутатов Государственной Думы текущего созыва. Примеры приведенных норм разрушают сложившееся в теории права представление о понятии нормы права как неперсонифицированном, направленном на неопределенное число случаев правила поведения. Здесь можно говорить еще об одной тенденции, связанной со стиранием границ между правовыми семьями. Именно для стран семьи общего права характерны казуистично сформулированные, направленные на применение только в рамках заданных условий право-

вые нормы⁹. Утрата нормами конституционного права своего абстрактного характера может свидетельствовать о том, что в романо-германской правовой семье наблюдаются черты семьи общего права¹⁰.

Конституционно-правовые нормы в силу усложнения социальных отношений осуществляют правовое регулирование общественных отношений в неразрывной связи с нормами других отраслей. Институт основ правового статуса личности не может быть ограничен лишь совокупностью норм конституционного права. К примеру, содержание права на жизнь, права на личную неприкосновенность, свободы совести и вероисповедания, свободы мирных собраний и других прав раскрывается через совокупность норм, включающих как нормы гражданского, административного и уголовного права, так и нормы процессуальных отраслей. Переплетение норм, связанное со сложностью предмета регулирования, приводит к тому, что возникают комплексные межотраслевые институты, которые сложно отнести к институтам исключительно конституционного права. Более того, они с трудом могут быть отнесены к публично-правовым институтам, поскольку могут использовать метод как императивного, так и диспозитивного регулирования. Нельзя провести четкой грани и между материальными и процессуальными институтами. В последнее время четко прослеживается тенденция включения в группы материальных конституционно-правовых норм большого числа норм процессуальных, призванных сделать материальные нормы реально действующими. К таким правовым «химерам» можно отнести миграционное право, избирательное право, институт органов государственной власти и местного самоуправления, в которых есть и процессуальные, и материальные нормы, переплетаются

⁶ СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

⁷ Официальный сайт Московской городской Думы. URL: <http://www.duma.mos.ru>.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 18-П «По делу о толковании статей 96 (ч. 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Бернам У. Правовая система США. М. : Новая юстиция, 2006. С. 122.

¹⁰ Подробнее о тенденции размывания абстрактного характера норм см.: Таева Н. Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. М. : Проспект, 2017. С. 61—70.

диспозитивный и императивный методы правового регулирования. Можно возразить: какая диспозитивность в миграционном праве? Но после того, как в результате решения Конституционного Суда РФ в законодательство были включены нормы об «учете индивидуальных обстоятельств дела» при принятии решения о депортации ВИЧ-инфицированных иностранных граждан, думается, ответ на этот вопрос мы получили¹¹. При этом очевидно, что в правотворческой практике степень тяготения правовых предписаний друг к другу заранее не может быть запланирована, новые правовые институты не создаются искусственно, они формируются под влиянием объективных социально-экономических преобразований общества¹². Можно создать новый закон, принять новую норму и даже группу норм, но такие нормы будут фиктивными, не будут работать. Неразрывная связь норм, входящих, с одной стороны, в отраслевые институты, а с другой — образующих конгломерации норм с другими отраслями, приводит к усложнению правоприменения. Сложным становится выбор соответствующей нормы права при разрешении конкретного дела, понимание ее не просто институциональной, но зачастую и отраслевой принадлежности. Так, интересный пример имеется в практике Конституционного Суда РФ. 8 октября 2019 г. в нем рассматривалось дело по жалобе гражданки Ольги Гламоздиновой, жительницы Ростовской области. Являясь прихожанкой Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, она предоставила местной религиозной организации комнату своего дома, принадлежащего ей на праве

собственности, для проведения богослужений, а свой адрес — в качестве юридического адреса для внесения его в ЕГРЮЛ. В результате гражданка О. Гламоздинова была оштрафована на сумму 10 тыс. руб. за нецелевое использование земельного участка, на котором находится ее частный дом с подсобным хозяйством. При этом Багаевский районный суд Ростовской области признал наложение штрафа законным. О. Гламоздинова подала жалобу в Конституционный Суд РФ (к сожалению, на момент написания статьи решение Суда пока не опубликовано). В данном деле содержание конституционного права на свободу совести и вероисповедания не может рассматриваться в отрыве от норм гражданского и земельного законодательства, а также норм, устанавливающих соответствующие меры административной ответственности. О чем в этом деле вопрос? О праве собственности, возможности ею свободно распоряжаться, либо о том, как гражданин может ввне выражать свою свободу совести, либо о том, что считать целевым либо нецелевым использованием земель? С одной стороны, можно говорить о противоречии между нормами Земельного кодекса РФ, предусматривающего, что вид разрешенного использования земельного участка является исчерпывающим, то есть не предполагает расширительного толкования, и нормами Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которым богослужения и другие религиозные обряды и церемонии могут беспрепятственно совершаться в жилых помещениях. С другой стороны, представляется, что речь идет не о проти-

¹¹ Имеется в виду постановление от 12.03.2015 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан» и внесение во исполнение данного решения изменений в Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» и Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

¹² *Киримова Е. А.* Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 14.

воречии норм, а о том, что сложное содержание возникшего правоотношения не позволяет применить к нему нормы одной конкретной отрасли и требует системного и межотраслевого подхода. Следовательно, и содержание конституционного права на свободу совести уже не может рассматриваться в отрыве от норм гражданского, административного, земельного законодательства.

Еще одна тенденция проявляется в сфере конституционно-правового регулирования. Общественные отношения, входящие в предмет этой отрасли, не регулируются формально закрепленными в нормативных актах и других источниках нормами, а происходит как бы их саморегуляция. Конституционные нормы появляются в результате самоорганизации гражданского общества. Это деятельность СМИ, политических партий, общественных объединений, корпораций. А. Тойбнер называет такие акторы появления конституционных норм «социетальными конституциями», считая при этом существование различных «центров самосознания» внутри общества главным критерием его демократического характера¹³. Кроме того, в конституционно-правовой сфере для регулирования общественных отношений важное значение имеют неписанные принципы-идеи. Формально это следует из ст. 2, 17, 18 Конституции РФ, в которых интегрирована естественно-правовая концепция. В результате в судебной практике, прежде всего Конституционного Суда РФ, мы видим обращение скорее к духу, нежели к букве Конституции, отсылки к естественному праву, к высшему закону справедливости, использование таких не имеющих конкретного юридического наполнения понятий, как разумное,

справедливое, достойное. Теоретическую идею о том, что зачастую правовые регуляторы — следствие общественного саморегулирования, можно продемонстрировать на конкретном примере. В деле о возможности применения смертной казни, которое было инициировано Верховным Судом РФ после того, как на всей территории России были введены суды присяжных, Конституционный Суд РФ указал, что в результате продолжительного действия моратория на применение смертной казни «сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания»¹⁴. Представляется, что Конституционный Суд РФ таким образом признает, что реальным регулятором являются фактически сложившиеся за длительный период неприменения смертной казни общественные отношения, в то время как ратификация Протокола № 6 — это лишь формальное включение данной нормы в правовую систему РФ. Как вывод из сказанного следует, что в рамках конституционно-правовых институтов могут содержаться и неписанные правовые регуляторы, которыми могут быть как нормы естественного права, так и сложившиеся непосредственно в обществе правила поведения. Это усложняет понимание структуры и содержания институтов конституционного права.

На формирование и динамику конституционно-правовых институтов значительное влияние оказывает субъективный фактор, поскольку правовые нормы, являясь объективным порождением общественной жизни, одновременно

¹³ Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 51.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации ‘О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

являются и продуктом сознательной деятельности людей. В данном случае на процесс институционализации норм конституционного права влияют интересы государства, политическая практика, существующие законодательные концепции. С. А. Авакьян по этому поводу пишет: «Можно ли сказать, что сама жизнь, независимо от воли людей, “расслаивает” их отношения на определенные группы, исходя из предмета отношений, их субъекта и т.д.? Нет, такой подход неверен. Конечно, дифференциация общественных отношений, их объединение в группы объективно обусловлено, но происходит это не фатально. Активная роль государства в процессе очевидна»¹⁵. Примером, иллюстрирующим данный тезис, может послужить принятие в начале 90-х гг. норм, регулирующих статус Президента РФ и определяющих его место в системе органов государственной власти. Очевидно, что факт их возникновения имеет объективную основу — это потребности общества на конкретном историческом этапе развития. В то же время на конструкцию президентской власти, закрепленную соответствующей группой норм, повлияли субъективные факторы, политическая воля.

Собственно разветвленность правовых институтов, появление в них большого числа норм, по мнению Е. И. Козловой, также имеет в своей основе субъективный фактор — политическую волю. Так, принятие Республики Крым в состав Российской Федерации и политическая обстановка, сложившаяся внутри нашего государства и в международных отношениях в связи с этим фактом, привели к возникновению большого числа норм конституционного права, призванных закрепить соответствующие правовые механизмы. В наибольшей степени это затронуло нормы законодательства о гражданстве, а также так называемого миграционного законодательства. К примеру, в 2018 г. в Федеральном законе «О гражданстве РФ» в ст. 29 внесен пункт 1.1, в соответствии с которым Президент РФ в гуманитарных целях вправе определять категории

иностранцев граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке. На первый взгляд, норма вызывает вопросы о содержании «гуманитарных целей». Однако конкретизация этой нормы в актах Президента РФ отвечает на этот вопрос. В развитие норм Закона принят Указ Президента РФ от 29.04.2019 № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»¹⁶. Согласно данному Указу, право обратиться с заявлением в упрощенном порядке имеют различные категории граждан Украины, требующие особой правовой защиты в связи с известными событиями. Например, граждане Украины, не имеющие гражданства (подданства) другого государства, которые родились и постоянно проживали на территориях Республики Крым и г. Севастополя, выехавшие за пределы указанных территорий до 18 марта 2014 г. В соответствии с Указом Президента РФ от 24.04.2019 № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» лица, постоянно проживающие на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины, имеют право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»¹⁷. В данном примере мы видим, как под воздействием конкретной политической ситуации трансформируются не только нормы института гражданства, наполняясь новым сущностным содержанием, но и нормы института президентской власти, объем которых увеличивается за счет возникновения новых полномочий главы государства.

Следствием нормотворчества, зачастую основанного на субъективных факторах, как справедливо отмечает Е. И. Козлова, является

¹⁵ Авакьян С. А. Государственно-правовые институты: понятие и формирование (применительно к деятельности Советов) // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 21—22.

¹⁶ СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2226.

¹⁷ СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2071.

увеличение законодательной массы, и, соответственно, происходит дублирование норм. Она писала, что при достаточно разветвленном законодательстве такое воспроизведение норм в различных правовых актах является неизбежным¹⁸. Дословное воспроизведение статей федерального законодательства в законодательстве субъектов Российской Федерации, дублирование норм законов общего характера в законах специальных (в особенности это касается избирательного законодательства) сегодня уже не является предметом бурных обсуждений ученых, а воспринимается как нормальное явление. Между тем вопрос, поставленный в свое время еще Е. И. Козловой¹⁹, о том, создается ли при дублировании новая норма права либо в систему правового регулирования не вносится ничего нового и мы имеем дело с одной нормой права, так и не разрешен теоретиками. В данном случае, как представляется, необходимо понять, что является объектом правового регулирования конкретной нормы конституционного права, ведь общественные отношения «не раздваиваются». Если имеет место простое

воспроизведение статьи, то исключение избыточной формулировки из правовой системы (отмена нормы правотворческим органом) не приведет к изменению всей системы²⁰.

В целом рассмотренные выше тенденции свидетельствуют о том, что назрела необходимость теоретического осмысления понятия института конституционного права, его сущности, определения новых критериев выделения институтов²¹. Выделенные тенденции позволяют обозначить следующие проблемы: 1) проблема стирания, размывания границ между институтами конституционного права, что затрудняет отнесение нормы к конкретному институту; 2) проблема появления межотраслевых институтов, которые не могут однозначно быть отнесены к публично-правовым или частноправовым, к материальным или процессуальным, что приводит к необходимости изменения самого подхода к понятию «институт права»; 3) в конституционно-правовом регулировании происходит выход за рамки формальных норм в область нормативности фактических процессов, происходящих в жизни общества²².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Государственно-правовые институты: понятие и формирование (применительно к деятельности Советов) // Советское государство и право. — 1977. — № 2. — С. 19—27.
2. *Бернам У.* Правовая система США. — 3-й вып. — М.: Новая юстиция, 2006. — 1216 с.

¹⁸ *Козлова Е. И.* Тенденции развития основных институтов советского государственного права. С. 10—12.

¹⁹ *Козлова Е. И.* Тенденции развития основных институтов советского государственного права. С. 10.

²⁰ *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* О понятии правового порядка // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 216.

²¹ Традиционно таким критерием является предмет правового регулирования, а в ряде случаев ученые называют метод правового регулирования (см., например: *Бабошин О. А.* Система конституционного права как отрасли российского права: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001 ; *Кононов К. А.* Конституционно-правовой институт: теоретико-методологические основания исследования категории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 2—8 ; *Он же.* Конституционно-правовой институт: поиски сущности категории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 2—8 ; *Лучин В. О.* Конституционные институты // Современный конституционализм. М., 1990. С. 28—31 ; *Михалева Н. А.* Теоретические основы систематизации конституционных институтов социалистического права // Основные направления развития государственно-правовых институтов на современном этапе : сб. науч. трудов / под ред. Е. И. Козловой. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1986. С. 30 ; *Постников А. Е.* Тенденции развития институтов конституционного права // СПС «КонсультантПлюс»).

²² Тенденция, в целом характерная для российской правовой системы, выделяется в работах теоретиков (см.: *Синюков В. Н.* Указ. соч. С. 12).

3. Булыгин Е. В., Альчуррон К. Э. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. — 380 с.
4. Киримова Е. А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1998. — 23 с.
5. Козлова Е. И. Теоретические основы системы советского государственного права // Конституция СССР: проблемы государственного строительства и советского строительства. — М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. — С. 34—38.
6. Козлова Е. И. Тенденции развития основных институтов советского государственного права // Основные направления развития государственно-правовых институтов на современном этапе : сб. науч. трудов. — М. : РИО ВЮЗИ, 1986. — С. 3—19.
7. Кононов К. А. Конституционно-правовой институт: поиски сущности категории // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 5. — С. 2—8.
8. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юристъ, 2001. — 444 с.
9. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica. — 2019. — № 9 (154).
10. Таева Н. Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. — М. : Проспект, 2017. — 352 с.
11. Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 1 (110). — С. 41—55.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan S. A. Gosudarstvenno-pravovye instituty: ponyatie i formirovanie (primenitel'no k deyatelnosti Sovetov) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1977. — № 2. — S. 19—27.
2. Bernam U. Pravovaya sistema SShA. — 3-j vyp. — M. : Novaya yusticiya, 2006. — 1216 s.
3. Bulygin E. V., Al'churron K. E. Normativnye sistemy // «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. — 380 s.
4. Kirimova E. A. Pravovoj institut: teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 1998. — 23 s.
5. Kozlova E. I. Teoreticheskie osnovy sistemy sovetskogo gosudarstvennogo prava // Konstituciya SSSR: problemy gosudarstvovedeniya i sovetskogo stroitel'stva. — M. : Izd-vo IGiP AN SSSR, 1980. — S. 34—38.
6. Kozlova E. I. Tendencii razvitiya osnovnyh institutov sovetskogo gosudarstvennogo prava // Osnovnye napravleniya razvitiya gosudarstvenno-pravovyh institutov na sovremennom etape : sb. nauch. trudov. — M. : RIO VYuZI, 1986. — S. 3—19.
7. Kononov K. A. Konstitucionno-pravovoj institut: poiski sushchnosti kategorii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2013. — № 5. — S. 2—8.
8. Kutafin O. E. Predmet konstitucionnogo prava. — M. : Yurist", 2001. — 444 s.
9. Sinyukov V. N. Cifrovoe pravo i problemy etapnoj transformacii rossijskoj pravovoj sistemy // Lex russica. — 2019. — № 9 (154).
10. Taeva N. E. Normy konstitucionnogo prava v sisteme pravovogo regulirovaniya Rossijskoj Federacii. — M. : Prospekt, 2017. — 352 s.
11. Tojbner G. Kontury konstitucionnoj sociologii: preodolenie isklyuchitel'nosti gosudarstvennogo konstitucionalizma // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. — 2016. — № 1 (110). — S. 41—55.